

Р. Н. Кроток

Псковский государственный университет, г. Псков, Россия

E-mail: roma.krotok@yandex.ru

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ЛАТВИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Латвия является поликонфессиональной страной. В ней полноценно представлены все три основные направления христианства: протестантизм, католичество и православие. Восточная часть Латвии (Латгалия) издавна служила местом проживания старообрядцев и приверженцев иудаизма. Данные религиозные группы населения в совокупности составляют конфессиональное пространство Латвии. Целью исследования является выделение основных элементов территориальной структуры конфессионального пространства на территории Латвии по итогам переписи населения 1897 г. и анализ их динамики до 1920 г. Для достижения цели используются статический и картографический методы исследования. Новизна исследования связана с применением оригинальных методик для анализа динамики территориальной структуры конфессионального пространства. В результате исследования были выделены три основных элемента территориальной структуры конфессионального пространства Латвии в конце XIX — начале XX вв.: 1) моноконфессиональные территории (с доминированием лютеранского населения) на севере Видземе, востоке Курземе и западе Селии; 2) неярко выраженные конфессиональные контактные зоны (с преобладанием лютеранского населения и заметной долей католиков и православных), охватывающие юг Видземе, запад Курземе и восток Селии; 3) ярко выраженную конфессиональную контактную зону — Латгалию (с перевесом католиков, но с заметной долей православных, старообрядцев и иудеев).

Ключевые слова: религиозная мозаичность, конфессиональные контактные зоны, лютеране, католики, православные, старообрядцы, иудеи.

Благодарности. Публикация подготовлена за счёт гранта Псковского государственного университета по мероприятию «Выполнение научных исследований и разработок российско-белорусскими научными коллективами на базе научно-исследовательских подразделений Псковского государственного университета в 2024/2025 гг.».

Для цитирования: Кроток Р. Н. Территориальная структура конфессионального пространства Латвии в конце XIX — начале XX вв. // Псковский регионологический журнал. 2024. Т. 20. № 3. С. 24–39. DOI: <https://doi.org/10.37490/S221979310031532-8>.

R. N. Krotok

Pskov State University, Pskov, Russia

E-mail: roma.krotok@yandex.ru

TERRITORIAL STRUCTURE OF THE CONFESSIONAL SPACE OF LATVIA IN THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES

Latvia is a multi-confessional country. All three main branches of Christianity are fully represented here: Protestantism, Catholicism and Orthodoxy. The eastern part of Latvia (Latgale) has long been home to Old Believers and adherents of Judaism. These religious groups of the population together form the confessional space of Latvia. The purpose of the study is to identify the main elements of the territorial structure of the confessional space in Latvia based on the results of the 1897 population census and analyze their dynamics until 1920. To achieve this goal, static and cartographic research methods are used. The novelty of the study is associated with the use of original methods for analyzing the dynamics of the territorial structure of the confessional space. As a result of the study, three main elements of the territorial structure of the confessional space of Latvia in the late 19th and early 20th centuries were identified: 1) mono-confessional territories (with the dominance of the Lutheran population) in the north of Vidzeme, east of Kurzeme and west of Selia; 2) vaguely expressed confessional contact zones (with a predominance of the Lutheran population and a noticeable share of Catholics and Orthodox Christians), covering the south of Vidzeme, the west of Kurzeme and the east of Selia; 3) a clearly defined confessional contact zone — Latgale (with a preponderance of Catholics, but with a noticeable share of Orthodox, Old Believers and Jews).

Keywords: *religious mosaic, confessional contact zones, Lutherans, Catholics, Orthodox, Old Believers, Jews.*

Acknowledgments. *The publication was prepared at the expense of a grant from Pskov State University for the event “Carrying out scientific research and development by Russian-Belarusian scientific teams on the basis of research units of Pskov State University in 2024/2025”.*

For citation: Krotok R. N. (2024), Territorial structure of the confessional space of Latvia in the late 19th and early 20th centuries, *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 20, no. 3, pp. 24–39. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.37490/S221979310031532-8>.

Введение. На территории Латвии исторически сложилась сложная конфессиональная структура населения. В качестве традиционных вероисповеданий местного населения здесь можно считать сразу три направления христианства: православие, католичество и протестантизм (лютеранство). Кроме того, в Латгалии (восточной исторической области Латвии) издавна проживают достаточно многочисленные группы старообрядцев и приверженцев иудаизма. Все данные религиозные группы населения в совокупности составляют конфессиональное пространство.

Конфессиональное пространство в статье рассматривается с позиции концепции геокультурного пространства. В соответствии с данной концепцией выделяются компонентная (по числу приверженцев разных религий и религиозных направлений) и территориальная структура конфессионального пространства. Основными элементами территориальной структуры конфессионального пространства являются «ядра» господствующих религий (моноконфессиональные территории) и контактные зоны (образовавшиеся на границах ареалов распространения религий, или же рассматриваемые как территории смешанного конфессионального состава населения).

Целью исследования является выделение основных элементов территориальной структуры конфессионального пространства на территории современной Латвии по итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. и анализ их динамики до 1920 г.

Информационной основой исследования является размещённая на сайте Population statistics of Eastern Europe & former USSR¹ статистика по вероисповеданиям и родному языку населения Лифляндской, Курляндской и Витебской губерниям по итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., по религиозной и этнической структуре населения Латвии по итогам переписи населения 1920 г., а также данные по религиозной принадлежности населения на уровне обозначенных губерний за 1795 и 1851 гг., представленная в книге В. М. Кабузана [9].

Исходные предпосылки. Изучению истории формирования конфессиональных сообществ на территории Латвии посвящено достаточно много работ. В первую очередь, нужно отметить труды, где освящена история православия в прибалтийских губерниях ([3; 12; 14; 15; 31] и др.). Часто объектом этнографических исследований в Латвии являются проживающие в ней старообрядцы ([7; 11; 24; 30] и др.). Кроме того, особый научный интерес представляют латгальцы, которые исповедуют католическую религию, в отличие от собственно латышей, традиционной религией которых является лютеранство. К тому же латгальцы являются носителями диалекта, который иногда рассматривается как самостоятельный латгальский язык [2]. Также именно территория Латгалии, являющаяся восточным краем Латвии, пограничным с Россией и Белоруссией, характеризуется повышенной долей иудеев, православных и старообрядцев, что связано с историей этой части современной Латвии, долгое время входившей в состав Речи Посполитой [26].

Также многочисленными являются исследования по изучению этнической и конфессиональной структуры населения, проживающего на территории современной Латвии в конце XIX и начале XX вв. ([1; 6; 10; 16; 23] и др.). В целом можно говорить о достаточно хорошей изученности этноконфессиональной географии Латвии в данный временной интервал. На этом фоне новизна исследования связана с применением оригинального подхода, опирающегося на концепции конфессионального пространства и конфессиональных контактных зон, а также связанные с данными концепциями методические приёмы, которые позволяют проанализировать динамику конфессионального пространства в конце XIX — начале XX вв., а точнее, в межпереписной период с 1897 по 1920 гг.

¹ Population statistics of Eastern Europe & former USSR. [Электронный ресурс]: URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (дата обращения: 15.05.2024).

Методика исследования. Для оценки конфессиональной неоднородности территорий наиболее часто используется индекс религиозной мозаичности (ИРМ) ([8; 17; 29] и др.), который рассчитывается аналогично индексу этнической мозаичности (ИЭМ) [32] (или индексу этнолингвистической или этнической фракционализации в зарубежной науке [33–37]). Формула для расчёта индекса религиозной мозаичности следующая:

$$\text{ИРМ} = 1 - \sum_{i=1}^m \pi_i^2,$$

Опираясь на величину ИРМ, по аналогии с выделением этноконтактных зон (ЭКЗ) на основе ИЭМ [20], можно выделять конфессиональные контактные зоны (ККЗ). При этом в исследовании использован модифицированный вариант данного показателя, предложенный С. А. Гороховым [4; 5]. Причина применения модифицированного индекса религиозной мозаичности (МИРМ) вместо ИРМ связана со спецификой интервала значений ИРМ, который изменяется от 0 (в случае, если все жители определённой территории являются приверженцами одной религии) до $1 - 1/m$, а значения МИРМ укладываются в интервал от 0 до 1. Формула для расчёта МИРМ следующая [4, с. 102]:

$$\text{МИРМ} = \frac{1 - \sum_{i=1}^m \pi_i^2}{1 - 1/m}.$$

МИРМ позволяет выделять крайне гомогенные в религиозном плане территории (при МИРМ от 0 до 0,280), относительно гомогенные (МИРМ от 0,281 до 0,556), относительно гетерогенные (МИРМ от 0,557 до 0,820) и крайне гетерогенные (МИРМ от 0,821 до 1) [4, с. 106]. Данные критерии можно использовать и при выделении разных классов ККЗ по степени выраженности (по аналогии с ЭКЗ [17]), при этом гомогенные территории рассматриваются как моноконфессиональное пространство, относительно гомогенные — в качестве неярко выраженных ККЗ, относительно гетерогенные — ярко выраженных ККЗ, крайне гетерогенные — наиболее ярко выраженных ККЗ.

При картографическом отображении МИРМ используется методика, апробированная в работе [19], когда величина ИЭМ на картосхемах соединяется с такой характеристикой, как перевес в населении определённых этнических групп (в нашем случае, приверженцев той или иной религии). Аналогичная методика [18; 21] применяется и при картографировании динамики МИРМ в определённых территориальных ячейках, когда отображение изменения МИРМ совмещается с динамикой доли приверженцев доминирующей в регионе религии. При этом, данная методика фактически позволяет осуществить классификацию территориальных ячеек по фазам и стадиям развития соответствующих им конфессиональных контактных зон [13; 28]. Первая фаза (роста ККЗ) включает две стадии: 1) зарождения ККЗ (при росте МИРМ

до 0,280); 2) роста конфессиональной контактности (при увеличении МИРМ от 0,280 до 1). Вторая фаза (растворения ККЗ) также включает две стадии: 3) начала растворения ККЗ (при снижении МИРМ от 1 до 0,280); 4) полного растворения ККЗ (при продолжающемся снижении МИРМ после пересечения значения 0,280).

Кроме того, в статье используется методика, оперирующая таким понятием, как «потенциальный религиозный состав населения». Расчёт величины данной категории населения осуществляется исходя из традиционной религиозной принадлежности этнических сообществ, проживающих на определённой территории [20; 27]. При этом сравнение реальной и потенциальной религиозной структуры населения территорий позволяет определить долю представителей конкретных этнических групп, исповедующих религию, не являющуюся традиционной для данных этнических сообществ в целом.

Результаты исследования. В конце XIX в. современная территория Латвии входила в состав трёх губерний Российской империи: Лифляндской (южная часть), Курляндской и Витебской (западная часть, или Латгалия). По итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в конфессиональной структуре населения на территории Латвии преобладали лютеране (59,1 %), второе место занимали католики (20,2 %), третье место — православные (8,6 %), четвёртое — иудеи (7,4 %), пятое — старообрядцы (4,1 %). Позиции данных конфессиональных групп в религиозной структуре населения на территории Латвии почти не менялись с конца XVII в. по 1920 г. (рис. 1), но следует отметить стабильное уменьшение в этот период доли лютеран и рост удельного веса католиков.

Модифицированный индекс религиозной мозаичности с 1795 по 1920 гг. изменился с 0,614 до 0,755, что свидетельствует о прохождении в этот период стадии нарастания конфессиональной контактности (на фазе роста ККЗ). Сама величина МИРМ на протяжении всего периода соответствует ярко выраженной ККЗ. Но на уровне уездов и уездных центров трёх губерний по итогам переписи населения 1897 г. ярко выраженные конфессиональные контактные зоны были представлены только в Латгалии (западной части Витебской губернии), на востоке Курляндской губернии (в Иллуksском уезде, фактически являющемся южным продолжением Латгалии), в уездных центрах Курляндской губернии, а также в Риге — центре Лифляндской губернии. Ещё несколько уездов Лифляндской и Курляндской губерний можно было отнести к неярко выраженным ККЗ. Остальные территории (в основном сельские местности уездов Курляндской губернии и частично Лифляндской губернии с долей лютеран свыше 90 %) можно охарактеризовать как моноконфессиональные территории с доминированием лютеранского населения (рис. 2).

Лютеранство пришло на территорию современной Латвии в XVI в. Реформация церкви в Ливонии, предшествовавшая Ливонской войне во второй половине XVI в., началась с 1530-х гг., когда в лютеранство стали переходить некоторые немецкие помещики с целью освобождения от опеки католической церкви. Вместе с помещиками в лютеранство переходили и крестьяне. И даже когда в 1561 г. Ливония временно попала в зависимость от Великого княжества Литовского, католическая церковь не вступала в споры с местным дворянством по вопросу лютеранского вероисповедания [25].

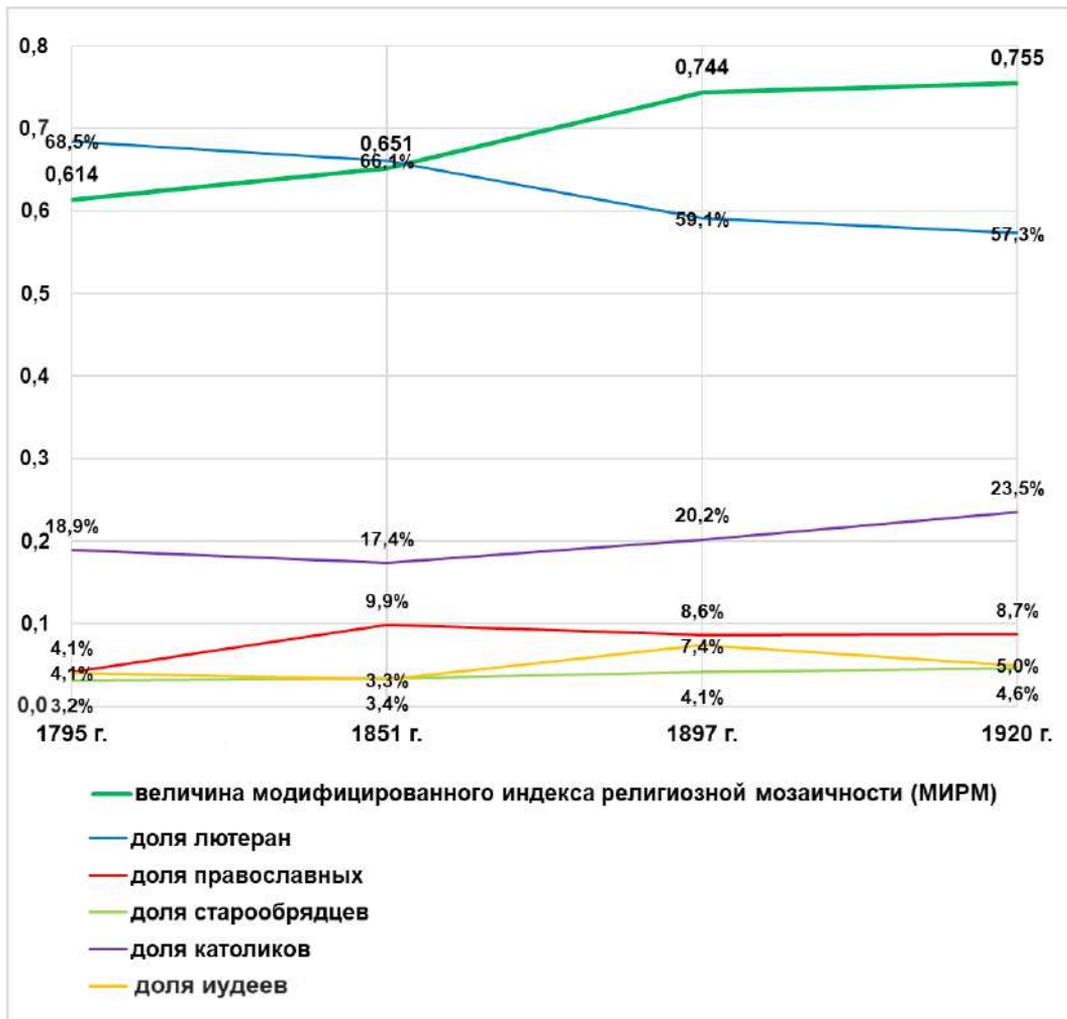

Рис. 1. Изменение доли основных конфессиональных групп населения, проживающего в современных границах Латвии, с 1795 по 1920 гг.

Fig. 1. Changes in the share of the main religious groups of the population living within the modern borders of Latvia from 1795 to 1920

Попытка обращения лютеран в католичество было предпринята только после создания Речи Посполитой, которая владела Ливонией вплоть до шведско-польской войны 1626–1629 гг., по результатам которой большая часть Ливонии была захвачена Швецией. Швеция закрепила лютеранство в качестве государственной религии на завоеванных территориях. В Курляндии (герцогстве с 1561 г.), несмотря на вассальную зависимость от Великого княжества Литовского, а затем Речи Посполитой вплоть до вхождения в состав Российской империи в 1795 г., основной религией также стало лютеранство. Однако Речь Посполитая сохранила за собой юго-восточную часть Ли-

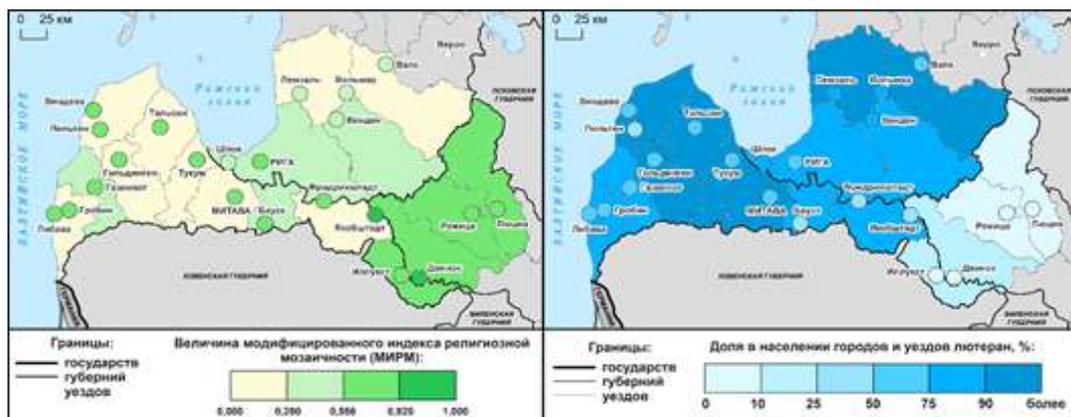

Рис. 2. Величина модифицированного индекса религиозной мозаичности в городах и уездах на территории Латвии и доля лютеран в их населении по итогам переписи населения Российской империи 1897 г.

Fig. 2. The value of the modified index of religious mosaic in cities and counties in Latvia and the share of Lutherans in their population according to the results of the 1897 census of the Russian Empire

вонии (Латгалию, называемую тогда Инфлянтами Польскими), где в итоге удалось закрепить католическую религию. Католики в конце XIX в. составляли в Латгалии свыше половины населения. Также повышенной долей католиков характеризовались западные уезды Курляндской губернии (рис. 3).

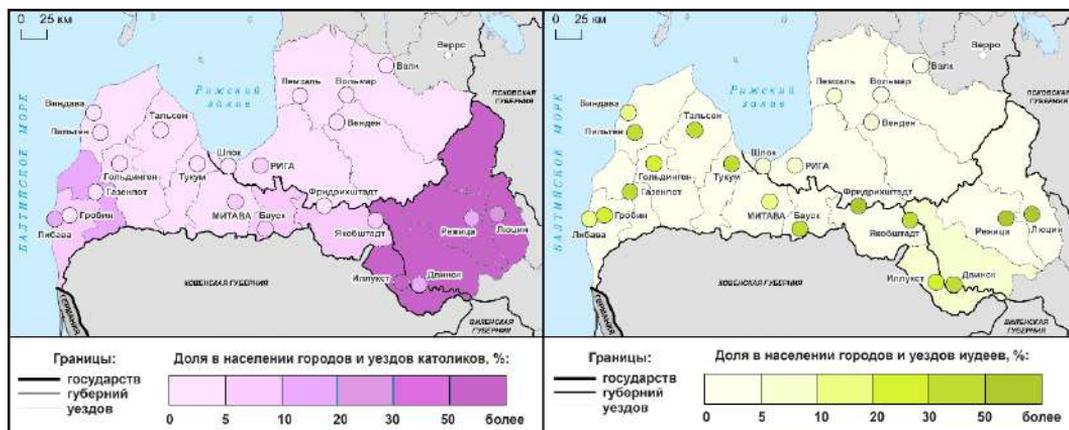

Рис. 3. Доля католиков и иудеев в населении городов и уездов на территории Латвии по итогам переписи населения Российской империи 1897 г.

Fig. 3. The share of Catholics and Jews in the population of cities and counties in Latvia according to the results of the 1897 census of the Russian Empire

Также на рисунке 3 можно видеть высокую долю в населении уездных центров Курляндии и Латгалии приверженцев иудаизма. Иудаизм исповедовало еврейское население. В Российской империи в конце XVIII в., сразу после разделов Речи Посполитой, была определена «черта оседлости» еврейского населения, т. е. граница, за пределами которой запрещалось постоянное проживание евреев (данный запрет не распространялся на купцов первой гильдии, ремесленников и ряда других категорий населения). В черту оседлости входили 15 западных губерний России, в т. ч. Витебская губерния. Также было много евреев в Курляндской губернии, где были приняты особые правила их проживания, хотя при этом губерния формально не входила в черту оседлости [22]. Но и в пределах черты оседлости евреям было разрешено проживание только в городских поселениях (городах и местечках).

Православие на территории современной Латвии появилось задолго до проникновения сюда Римско-католической церкви. Так, известно, что в XII в. на берегу р. Даугавы существовали два зависимых от Полоцка княжества — Герцикское (Ерсикское) и Кокнесское, в которых часть местного населения приняла православную религию. Причём православие здесь не распространялось насильно, к нему присоединялись только те местные жители, которые изъявляли желание принять христианство [25]. В XIII в., в результате экспансии рыцарского ордена меченосцев, а затем Ливонского ордена, православие было вытеснено с территории Восточной Прибалтики и заменено католичеством.

Возвращение православия в Прибалтику началось после вхождения шведской Лифляндии в состав Российской империи, произошедшего в 1710-е гг. в ходе Северной войны. Но тогда православным было преимущественно русское и белорусское население. Процессы принятия православной религии местным населением ускорились после создания в 1836 г. Рижского викариатства, и в 1848 г. — Рижской епархии. Рижская епархия охватывала территорию трёх прибалтийских губерний: Эстляндской, Лифляндской и Курляндской. Епархия была разделена на десять благочинных округов, в которых находились 117 церквей и один кафедральный собор в Риге [25].

Доля православных в 1897 г. была повышена в Лифляндской губернии (особенно в Венденском и Рижском уездах), а также в приграничном с Россией Люцинском уезде Витебской губернии (рис. 4). Также нужно отметить относительно более высокий удельный вес православного населения в уездных центрах всех трёх губерний по сравнению с сельской местностью уездов. Особенно была высока доля православных в Двинске и Валке (свыше 20 %).

Старообрядцы стали переселяться в пограничные с Россией территории фактически сразу после раскола Русской православной церкви во второй половине XVII в. Одним из регионов их оседания стала Латгалия, тогда входившая в состав Речи Посполитой. В 1897 г. доля старообрядцев была наиболее высока (более 15 %) в Режицком и Двинском уездах Витебской губернии и Илукстском уезде Курляндской губернии, а также в г. Якобштадт, находящемся на границе с Латгалией (см. рис. 4).

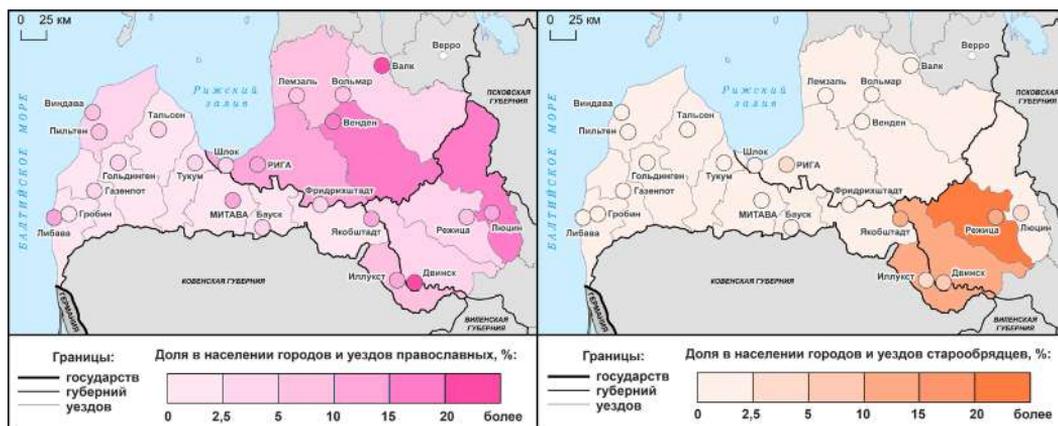

Рис. 4. Доля православных и старообрядцев в населении городов и уездов на территории Латвии по итогам переписи населения Российской империи 1897 г.

Fig. 4. The share of Orthodox and Old Believers in the population of cities and counties in Latvia according to the results of the 1897 census of the Russian Empire

Благодаря расчёту разницы между приверженцами католической религии и потенциально католическим населением (в основном поляками и литовцами) можно определить долю местного латышского населения, исповедующего католичество (рис. 5). Эта доля является наиболее высокой в Латгалии, и там фактически соответствует удельному весу латгальцев, т. е. местных жителей, ныне причисляемых к латышам, но тогда осознающих свою специфику благодаря собственному языку и отличному от латышей вероисповеданию. Их доля во всей Латгалии превышает 50 %, составляя 63,4 % в сельской местности Режицкого уезда, 62,7 % — Люцинского уезда и 55,7 % — Двинского уезда Витебской губернии. При этом в уездных центрах Латгалии их доля была достаточно низкой.

Расчёт разницы между православным и потенциально православным населением (преимущественно русскими и белорусами) позволяет выделить уезды, где православную религию приняло местное латышское население (см. рис. 5). В этом плане выделяется Лифляндская губерния, особенно Венденский уезд, где доля латышей, исповедующих православие, в 1897 г. составляла 16 %. Также можно видеть, что небольшая часть русского и белорусского населения Латгалии (в целом по региону 6,3 %) не исповедовала православие, вероятно, приняв господствующую в Латгалии католическую религию.

К переписи населения 1920 г., т. е. когда уже была образована Латвийская Республика, на фоне бурных событий, связанных с революцией и войнами на территории Латвии, продолжалось усложнение конфессиональной структуры населения. В период с 1897 по 1920 гг. немного выросла величина МИРМ (с 0,744 до 0,755), уменьшилась доля лютеран (с 59,1 до 57,3 %), выросла доля католиков (с 20,2 до 23,5 %), сократилась доля иудеев (с 7,4 до 5 %), крайне незначительно изменился удельный вес православных и старообрядцев (см. рис. 1).

Рис. 5. Превышение доли католиков и православных над потенциально католическим и потенциально православным населением городов и уездов на территории Латвии по итогам переписи населения Российской империи 1897 г.

Fig. 5. The excess of the share of Catholics and Orthodox Christians over the potentially Catholic and potentially Orthodox population of cities and counties in Latvia according to the results of the 1897 census of the Russian Empire

При этом территориальная структура конфессионального пространства на территории Латвии в этот период не претерпела существенных изменений (рис. 6). Латгалия сохранила свой статус ярко выраженной конфессиональной контактной зоны (с перевесом католиков), остальную часть Латвии охватывали неярко выраженные ККЗ и моноконфессиональные территории (при заметном перевесе или же доминировании лютеран). На моноконфессиональных территориях (с МИРМ менее 0,280) продолжалось увеличение доли лютеран, характеризующее полное растворение конфессиональных контактных зон (исключение составил Валмиерский уезд, где отмечался рост доли католиков).

Неярко выраженные конфессиональные контактные зоны (с МИРМ от 0,280 до 0,556) переживали в этот период или стадию начала растворения ККЗ в пользу лютеран, или стадию роста конфессиональной контактности при увеличении доли католиков (Рижский и Айзпутский уезды). Латгалия, будучи ярко выраженной ККЗ (с МИРМ свыше 0,556), находилась в стадии начала растворения ККЗ в пользу католиков. Однако исключение составил Лудзенский уезд, переживающий рост конфессиональной контактности, связанный с увеличением удельного веса православного населения (см. рис. 6). Таким образом, в целом на территории Латвии наблюдалось растворение конфессиональных контактных зон в пользу лютеран или католиков, лишь в нескольких уездах отмечался рост конфессиональной контактности при увеличении доли католиков (в уездах с преобладанием лютеран) или православных (на севере католической Латгалии).

Рис. 6. Конфессиональные контактные зоны на территории Латвии по итогам переписи населения 1920 г., фазы и стадии развития конфессиональных контактных зон с 1897 по 1920 гг.

Fig. 6. Confessional contact zones on the territory of Latvia according to the results of the 1920 population census, phases and stages of development of confessional contact zones from 1897 to 1920

Выводы. В результате исследования были выделены три основных элемента территориальной структуры конфессионального пространства в современных границах Латвии по итогам переписи населения 1897 г. Первым из них являются моноконфессиональные территории (с доминированием лютеранского населения). Эти территории охватывали часть Лифляндской губернии (современный север Видземе) и Курляндской губернии (ныне восток Курземе и запад Селии).

В качестве второго элемента территориальной структуры конфессионального пространства на территории Латвии в конце XIX в. выделены неярко выраженные конфессиональные контактные зоны (с преобладанием лютеранского населения и заметной долей католиков и православных), охватывающие южную часть Лифляндской губернии (юг Видземе), а также западную и среднюю части Курляндской губернии (запад Курземе и восток Селии).

Третьим элементом территориальной структуры конфессионального пространства на современной территории Латвии являлись ярко выраженные конфессиональные контактные зоны, охватывающие г. Ригу с перевесом лютеранского населения, а также западную часть Витебской губернии (Латгалию) и примыкающий к ней с юга Илукстский уезд Курляндской губернии (с перевесом католиков, но с заметной долей православных, старообрядцев и иудеев).

В период между переписями 1897 и 1920 гг. на моноконфессиональных территориях продолжалось увеличение доли лютеран. Неярко выраженные конфессиональ-

ные контактные зоны переживали или стадию начала растворения в пользу лютеран, или стадию роста конфессиональной контактности при увеличении доли католиков. Ярво выраженная конфессиональная контактная зона в Латгалии находилась в стадии начала растворения в пользу католиков.

Литература

1. *Алексеев П. В.* Белорусы и латыши Латгалии в конце XIX — начале XX вв. // *Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта*. 1996. № 2 (2). С. 8–12.
2. *Виноградова В. Д.* Латгалы. Этнос и язык // *Вестник Томского государственного университета*. История. 2011. № 1 (13). С. 141–143.
3. *Гаврилин А. В.* Рижская епархия и политика правительства в прибалтийских губерниях в 60–90-х годах XIX века // *Россия и Балтия*. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2004. С. 92–116.
4. *Горохов С. А.* География религий: Циклы развития глобального конфессионального пространства. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 235 с.
5. *Горохов С. А.* Религиозная мозаичность как фактор экономического развития регионов современного мира // *Вестник Московского университета*. Серия 5: География. 2014. № 4. С. 56–61.
6. *Дементьев В. С., Кроток Р. Н.* Конфессиональная структура населения Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: статистико-географический анализ // *Псковский регионологический журнал*. 2023. Т. 19. № 4. С. 62–80. <https://doi.org/10.37490/S221979310027418-2>.
7. *Иванова Н. В.* Кто такой старовер в латвийском полиэтничном обществе? // *Русский язык и литература в поликультурном коммуникативном пространстве*. Материалы Международной научной конференции. В 2-х ч. / отв. ред. Н. В. Большакова. Псков: Псковский государственный университет, 2012. С. 236–242.
8. *Историческая география России: теория, методы, практика / под общ. ред. А. Г. Манакова*. Псков: Псковский государственный университет, 2019. 328 с.
9. *Кабузан В. М.* Распространение православия и других конфессий в России в XVIII — начале XX в. (1719–1917 гг.). М.: Институт российской истории РАН, 2008. 272 с.
10. *Кабузан В. М.* Формирование многонационального населения Прибалтики (Эстонии, Латвии, Литвы, Калининградской области России) в XIX–XX вв. (1795–2000). М.: Институт Российской истории РАН, 2009. 156 с.
11. *Кожурин К. Я.* Быт и нравы староверов Витебской губернии в середине XIX в. (по материалам секретных данных, собранных надворным советником В. С. Несторовым) // *Старообрядчество*. 2023. Т. 1. № 1. С. 20–34.
12. *Котов А. Э., Петров И. В.* У истоков латвийской православной церкви: от «Русской веры» к автокефалистским тенденциям // *Научный диалог*. 2019. № 11. С. 338–353.
13. *Кроток Р. Н., Теренина Н. К.* Динамика контактных зон христианского и нехристианского населения России в XVIII — начале XX вв.: картографический анализ // *Вестник Псковского государственного университета*. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2023. Т. 16. № 3. С. 34–44.
14. *Кугель М.* Латвийская православная церковь: между каноническими связями и лояльностью государству // *Неприкосновенный запас*. Дебаты о политике и культуре. 2021. № 4 (138). С. 213–232.
15. *Лебедев С. В., Лебедева Г. Н.* Народное движение в Прибалтике за переход в «царскую веру» // *Тетради по консерватизму*. 2022. № 2. С. 60–77.
16. *Лисовская Т. В.* Изменение конфессиональной структуры общества белорусско-прибалтийского региона в начале XX века // *Белорусский исторический обзор*. 2022. № 1 (6). С. 57–65.
17. *Манаков А. Г.* Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. Псков: Центр «Возрождение» при содействии ОЦНТ, 2002. 300 с.
18. *Манаков А. Г., Андреев А. А., Иванов И. А., Павлова К. В.* Картографирование этнической динамики по регионам России в межпереписные периоды с 1897 по 1959 гг. // *Вестник Псковского государственного университета*. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2023. Т. 16. № 4. С. 70–81.
19. *Манаков А. Г., Васильев Н. М., Кондратьева П. А.* Этническая неоднородность населения в разрезе уездов и округов Российской империи по итогам переписи 1897 г. // *Вестник Псковского государ-*

- ственного университета. Серия «Естественные и физико-математические науки». 2023. Т. 16. № 2. С. 23–35.
20. Манаков А. Г., Дементьев В. С. Территориальная структура конфессионального пространства юго-восточной части Балтийского региона // Балтийский регион. 2019. Т. 11. №1. С. 92–108. <https://doi.org/10.5922/2078-8555-2019-1-7>.
 21. Манаков А. Г., Изотов Д. Д., Хайдаров Н. Ф., Манаенков М. В. Особенности динамики этнического разнообразия регионов России по десятилетиям между переписями 1959 и 1989 гг. // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2023. Т. 16. № 3. С. 21–33.
 22. Манаков А. Г., Коротаева Т. А. Сдвиги в расселении евреев в раннесоветский период: картографический анализ // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2022. Т. 15. № 3. С. 31–48.
 23. Манаков А. Г., Чученкова О. А. Этнический состав населения на территории Эстонии и Латвии по результатам дореволюционных переписей (1881 и 1897 гг.) // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2016. № 9. С. 84–99.
 24. Мусаев В. И. Старообрядческий вопрос в Рижской епархии в конце XIX — начале XX в. // Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт-2. Восьмые Шёгреновские чтения с международным участием. Сборник статей. Воронеж: ООО «Диамант-принт», 2019. С. 202–210.
 25. Православие в Эстонии: исследования и документы. Т. 1. Исследования / ред. протоиер. Н. Балашов, С. Л. Кравец. М.: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2010. 319 с.
 26. Рунце И. Идентичность Латгалии: теория, история и наше время // Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии / отв. ред. С. Амосова; Центр научных работников и преподавателей иудаики в ВУЗах «СЭФЕР», Институт славяноведения Российской академии наук, Музей «Евреи в Латвии». М.: Издательство Пробел-2000, 2016. С. 171–177.
 27. Сафронов С. Г. Конфессиональное пространство России в начале и конце XX века // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен / под ред. Т. Нефедовой, П. Полян, А. Трейвиш. М., 2001. С. 443–460.
 28. Теренина Н. К., Кроток П. Н. Использование индекса религиозной контактности в изучении пространственно-временной динамики конфессионального пространства Российской империи // Религиоведение. 2024. № 1. С. 120–130. https://doi.org/10.22250/20728662_2024_1_120.
 29. Теренина Н. К., Кроток П. Н. Опыт расчёта коэффициента религиозной контрастности по регионам России // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2023. Т. 16. № 4. С. 82–94.
 30. Трушкова И. Ю., Пригарин А. А., Титова Е. И. Старообрядчество в западном российском зарубежье: этнокультурные очерки. Сер. Этнокультурное наследие стран и регионов. Т. 29. Киров: ООО «Издательство «Аверс», 2019. 187 с.
 31. Цоя С. А. Историография истории православия в Латвии (краткий очерк) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 4 (11). С. 162–199.
 32. Эккель Б. М. Определение индекса этнической мозаичности национального состава республик, краёв и областей СССР // Советская этнография. 1976. № 2. С. 33–42.
 33. Campos N., Saleh A., Kuzeyev V. Dynamic Ethnic Fractionalization and Economic Growth // Journal of International Trade and Economic. 2011. Vol. 20. P. 129–152.
 34. Chareyron S., Chung A., Domingues P. Ethnic diversity and educational success: Evidence from France // Research in Economics. 2021. Vol. 75. Iss. 2. P. 133–143. <https://doi.org/10.1016/j.rie.2021.04.002>.
 35. Dincer O. C., Wang F. Ethnic diversity and economic growth in China // Journal of Economic Policy Reform. 2011. Vol. 14. Iss. 1. P. 1–10. <https://doi.org/10.1080/17487870.2011.523985>.
 36. Montalvo J. G., Reynal-Querol M. Ethnic diversity and economic development // Journal of Development Economics. 2005. Vol. 76. Iss. 2. P. 293–323. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2004.01.002>.
 37. Taylor C. L., Hudson M. C. World Handbook of Political and Social Indicators II. Section 1. Cross-National Aggregate Data. Michigan University, 1970. 339 p. <https://doi.org/10.3886/ICPSR05027.v2>.

References

1. Alekseenkov P. V. (1996), Belarusians and Latvians of Latgale at the end of the 19th — beginning of the 20th centuries, *Newsletter of the Vitebsk State University*, no. 2 (2), pp. 8–12. (In Russ.).
2. Vinogradova V. D. (2011), Latgaly. Ethnicity and language, *Bulletin of Tomsk State University. History*, no. 1 (13), pp. 141–143. (In Russ.).
3. Gavrilin A. V. (2004), Riga diocese and government policy in the Baltic provinces in the 60–90s of the 19th century, *Russia and the Baltic*, Moscow, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, pp. 92–116. (In Russ.).
4. Gorokhov S. A. (2020), *Geography of religions: Cycles of development of the global confessional space*, Moscow, UNITY-DANA, 235 p. (In Russ.).
5. Gorokhov S. A. (2014), Religious fractionalization as a factor in the economic development of the regions of the modern world, *Bulletin of the Moscow University. Series 5: Geography*, no. 4, pp. 56–61. (In Russ.).
6. Dementyev V. S., Krotok R. N. (2023), Confessional structure of the population of the Russian Empire at the turn of the 19th–20th centuries: statistical and geographical analysis, *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 19, no. 4, pp. 62–80. (In Russ.). <https://doi.org/10.37490/S221979310027418-2>.
7. Ivanova N. V. (2012), Who is an Old Believer in the Latvian multiethnic society? *Russian language and literature in a multicultural communicative space. Materials of the International Scientific Conference. In 2 parts*, N. V. Bolshakova (ed.), Pskov, Pskov State University, pp. 236–242. (In Russ.).
8. *Historical geography of Russia: theory, methods, practice* (2019), A. G. Manakov (ed.), Pskov, Pskov State University, 328 p. (In Russ.).
9. Kabuzan V. M. (2008), *The spread of Orthodoxy and other faiths in Russia in the 18th — early 20th centuries (1719–1917)*, Moscow, Institute of Russian History RAS, 272 p. (In Russ.).
10. Kabuzan V. M. (2009), *Formation of the multinational population of the Baltic states (Estonia, Latvia, Lithuania, Kaliningrad region of Russia) in the 19th–20th centuries (1795–2000)*, Moscow, Institute of Russian History RAS, 156 p. (In Russ.).
11. Kozhurin K. Ya. (2023), Life and customs of the Old Believers of the Vitebsk province in the middle of the 19th century (based on secret data collected by court adviser V. S. Nestorov), *Old Believers*, vol. 1, no. 1, pp. 20–34. (In Russ.).
12. Kotov A. E., Petrov I. V. (2019), At the origins of the Latvian Orthodox Church: from the “Russian Faith” to autocephalist tendencies, *Scientific dialogue*, no. 11, pp. 338–353. (In Russ.).
13. Krotok R. N., Terenina N. K. (2023), Dynamics of contact zones of the Christian and non-Christian population of Russia in the 18th — early 20th centuries: cartographic analysis, *Bulletin of the Pskov State University. Series “Natural and physical and mathematical sciences”*, vol. 16, no. 3, pp. 34–44. (In Russ.).
14. Kugel M. (2021), Latvian Orthodox Church: between canonical ties and loyalty to the state, *Untouched reserve. Debates about politics and culture*, no. 4 (138), pp. 213–232. (In Russ.).
15. Lebedev S. V., Lebedeva G. N. (2022), People’s movement in the Baltics for the transition to the “royal faith”, *Notebooks on conservatism*, no. 2, pp. 60–77. (In Russ.).
16. Lisovskaya T. V. (2022), Changes in the confessional structure of society in the Belarusian-Baltic region at the beginning of the twentieth century, *Belarusian Historical Review*, no. 1 (6), pp. 57–65.
17. Manakov A. G. (2002), *Geocultural space of the north-west of the Russian Plain: dynamics, structure, hierarchy*, Pskov, Center “Renaissance” with the assistance of OCST, 300 p. (In Russ.).
18. Manakov A. G., Andreev A. A., Ivanov I. A., Pavlova K. V. (2023), Mapping ethnic dynamics by regions of Russia in intercensal periods from 1897 to 1959, *Bulletin of the Pskov State University. Series “Natural and physical and mathematical sciences”*, vol. 16, no. 4, pp. 70–81. (In Russ.).
19. Manakov A. G., Vasiliev N. M., Kondratyeva P. A. (2023), Ethnic heterogeneity of the population in the context of counties and districts of the Russian Empire according to the results of the 1897 census, *Bulletin of the Pskov State University. Series “Natural and physical and mathematical sciences”*, vol. 16, no. 2, pp. 23–35. (In Russ.).
20. Manakov A. G., Dementyev V. S. (2019), Territorial structure of the confessional space of the south-eastern part of the Baltic region, *Baltic region*, vol. 11, no. 1, pp. 92–108. (In Russ.). <https://doi.org/10.5922/2078-8555-2019-1-7>.

21. Manakov A. G., Izotov D. D., Khaidarov N. F., Manaenkov M. V. (2023), Features of the dynamics of ethnic diversity of Russian regions by decades between the censuses of 1959 and 1989, *Bulletin of the Pskov State University. Series "Natural and physical and mathematical sciences"*, vol. 16, no. 3, pp. 21–33. (In Russ.).
22. Manakov A. G., Korotaeva T. A. (2022), Shifts in the settlement of Jews in the early Soviet period: cartographic analysis, *Bulletin of the Pskov State University. Series "Natural and physical and mathematical sciences"*, vol. 15, no. 3, pp. 31–48. (In Russ.).
23. Manakov A. G., Chuchenkova O. A. (2016), Ethnic composition of the population in Estonia and Latvia according to the results of pre-revolutionary censuses (1881 and 1897), *Bulletin of the Pskov State University. Series "Natural and physical and mathematical sciences"*, no. 9, pp. 84–99. (In Russ.).
24. Musaev V. I. (2019), The Old Believer question in the Riga diocese at the end of the 19th — beginning of the 20th centuries, *North-West: ethno-confessional history and historical and cultural landscape-2. Eighth Sjögren readings with international participation. Digest of articles*, Voronezh, Diamant-print LLC, pp. 202–210. (In Russ.).
25. *Orthodoxy in Estonia: research and documents. Vol. 1. Research* (2010), Archpriest N. Balashov, S. L. Kravets (eds.), Moscow, Church-scientific. Center "Orthodox Encyclopedia", 319 p. (In Russ.).
26. Runce I. (2016), Identity of Latgale: theory, history and our time, *Lost Neighborhood: Jews in the cultural memory of the inhabitants of Latgale*, S. Amosova (ed.); Center for Researchers and Teachers of Jewish Studies at Universities "SEFER", Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Museum "Jews in Latvia", Moscow, Publ. house Probel-2000, pp. 171–177. (In Russ.).
27. Safronov S. G. (2001), Confessional space of Russia at the beginning and end of the twentieth century, *City and village in European Russia: a hundred years of change*, T. Nefedova, P. Polyan, A. Treivish (eds.), Moscow, pp. 443–460. (In Russ.).
28. Terenina N. K., Krotok R. N. (2024), Using the index of religious contact in the study of the spatio-temporal dynamics of the confessional space of the Russian Empire, *Religious Studies*, no. 1, pp. 120–130. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/20728662_2024_1_120.
29. Terenina N. K., Krotok R. N. (2023), Experience in calculating the coefficient of religious contrast in the regions of Russia, *Bulletin of the Pskov State University. Series "Natural and physical and mathematical sciences"*, vol. 16, no. 4, pp. 82–94. (In Russ.).
30. Trushkova I. Yu., Prigarin A. A., Titova E. I. (2019), Old Believers in Western Russian, *Abroad: Ethnocultural Essays*. Ser. Ethnocultural heritage of countries and regions, vol. 29, Kirov, Avers Publ. House LLC, 187 p. (In Russ.).
31. Tsoi S. A. (2017), Historiography of the history of Orthodoxy in Latvia (a short essay), *Journal of Russian and Eastern European Historical Research*, no. 4 (11), pp. 162–199. (In Russ.).
32. Ekkel B. M. (1976), Determination of the index of ethnic mosaic of the national composition of the republics, territories and regions of the USSR, *Soviet ethnography*, no. 2, pp. 33–42. (In Russ.).
33. Campos N., Saleh A., Kuzeyev V. (2011), Dynamic Ethnic Fractionalization and Economic Growth, *Journal of International Trade and Economic*, vol. 20, pp. 129–152.
34. Chareyron S., Chung A., Domingues P. (2021), Ethnic diversity and educational success: Evidence from France, *Research in Economics*, vol. 75, iss. 2, pp. 133–143. <https://doi.org/10.1016/j.rie.2021.04.002>.
35. Dincer O. C., Wang F. (2011), Ethnic diversity and economic growth in China, *Journal of Economic Policy Reform*, vol. 14, iss. 1, pp. 1–10. <https://doi.org/10.1080/17487870.2011.523985>.
36. Montalvo J. G., Reynal-Querol M. (2005), Ethnic diversity and economic development, *Journal of Development Economics*, vol. 76, iss. 2, pp. 293–323. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2004.01.002>.
37. Taylor C. L., Hudson M. C. (1970), *World Handbook of Political and Social Indicators II. Section 1. Cross-National Aggregate Data*. Michigan University, 339 p. <https://doi.org/10.3886/ICPSR05027.v2>.

Сведения об авторе

Кроток Роман Николаевич — младший научный сотрудник молодёжной научно-исследовательской лаборатории кроссрегиональных и трансграничных исследований, аспирант кафедры географии, Псковский государственный университет, г. Псков, Россия.

E-mail: roma.krotok@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5111-0686

About the author

Roman Krotok, Junior Research Fellow, PhD student, Department of Geography, Pskov State University, Pskov, Russia.

E-mail: roma.krotok@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5111-0686

Поступила в редакцию 06.07.2024 г.

Поступила после доработки 19.08.2024 г.

Статья принята к публикации 10.09.2024 г.

Received 06.07.2024.

Received in revised form 19.08.2024.

Accepted 10.09.2024.